Автор: Юрий Арабов

Обращаясь к воспоминаниям 97-го года, Юрий Арабов рассказывает об удивительной встрече со своим тёзкой, случившейся в московском Ботаническом саду. В коротком насыщенном тексте перед нами открывается история духовных поисков Юрия, проделавшего путь от главы комсомольской организации до новокрещённого христианина. Записанная со слов самого искателя, эта история и сейчас приковывает внимание, передавая дух того времени.

* * *

1.

В году 97-ом в июле я шёл по московскому Ботаническому саду в поисках отдыха и приключений. В этом бывшем имении графа Шереметьева, выходившим одним боком в Останкино, а другим – на север, в Отрадное, я знал каждую тропку, так как бродил по нему уже сорок лет при разных властях и разных климатических условиях. Советская власть, ныне проклинаемая и полузабытая, сделала из куска несрубленного барского леса подобие Эдема. В южной стороне сада благоухал огромный розарий с коллекцией роз, сравнимой с Версальской или Потсдамской: розы кустистые, розы как дерево – с одним стволом и крупными цветками, – и просто обычные чайно-гибридные дарили замордованным горожанам сладкие воспоминания об утерянном Рае. Северная же часть в районе реки Лихоборки была более дикой, прорезанной лишь искусственными канавами с журчащей в них водой неизвестного происхождения. С августа по берегам этих рукотворных ручьев вырастали грибы, иногда белые, но чаще сыроежки, розовые, синие и желтые, которые, если их зажарить и смешать с яйцом, были немыслимым деликатесом внутри огромного городища, растущего как мутное нефтяное пятно. Здесь, в этой северной части, можно было встретить ежей, а один раз, по-моему, на год позже, я увидал даже серого зайца, огромного, как собака, и похожего на подмоченный снежный ком. Он, заприметив меня, слился с кустом ольшаника, а потом дёрнул петлями вглубь парка, оглядываясь и сплёвывая через левое плечо.

Но во время перестройки сад пришёл в негодность. Кусты роз выкопали и растащили, так как у администрации не было средств содержать охрану. Канавы высохли,

искусственные пруды покрылись тиной, а поляны между столетними дубами заросли крапивой и лебедой. И в тот летний день, идя вверх по течению мутной Лихоборки, я оплакивал про себя ушедшую юность, как вдруг на поляне заметил невысокого человека с длинной крестьянской косой. Был он голым по пояс, загорелым и поджарым, как индийский йог. Вообще, он чем-то напоминал индуса – иссиня-чёрная борода, лишь слегка тронутая изморосью седины, коричневая кожа, впитавшая полуденный зной, чёрные пристальные глаза, сильные тонкие руки, не накаченные специально в тренажёрном зале, а похожие на канат, обтянутый человеческой кожей: на таких руках можно висеть над пропастью и уж точно, они тебя не отпустят. «Русский, – подумал я. – Чёрный русак». Есть такие чёрные русаки, чернее цыган, я встречал их на Волге, не только на юге, но и на севере. И мне стало радостно – не от его черноты и русопятости, а от того, что в запущенном Эдеме остался хоть один человек, который может покосить июльскую жирную траву. Я подошёл к нему и поприветствовал как старого знакомого. Он неожиданно откликнулся. Между нами в одно мгновение возник невидимый хрупкий мостик, который будет связывать нас в течение нескольких месяцев.

– Классно, – сказал я. – Ещё остались настоящие люди. Сколько вам платят за эту работу?

– Нисколько, – ответил он. – Я работаю из-за удовольствия.

– Не в штате?

– Какой там штат... Беру косу и выкашиваю. Одну поляну в день.

Я не слишком удивился. Это было привычным делом. Я и сам ухаживал за последним озером в саду, очищая его от тины, оно было в метрах пятисот от поляны, где стоял мой новый знакомый.

– Моя жена работает здесь в отделе природной флоры, – продолжил мой новый знакомый. – А я просто общаюсь. Общаюсь с лесом.

– И что же говорит вам лес?

На его и без того смуглое лицо нашла какая-то тень. Я чувствовал, что он хочет что-то сказать, но стесняется, мнётся, менжуется.

– Меня Юрой зовут. Присядем.

Мы оказались тёзками, и это случайное обстоятельство уничтожило последний лёд недоверия. Так иногда бывает, встречаются совершенно незнакомые друг другу люди и сразу чувствуют между собой какую-то связь, смутную привязанность. Откуда она берётся, из генетической памяти о прошлых жизнях, из опыта, позволяющего определять с первого взгляда, кто нам близкий, а кто чужой?..

Мы сели под дуб. Его мощные корни, высовывавшиеся из земли, делали подобие скамейки, не очень удобной, но весьма надёжной и твёрдой. Под ногами лежали прошлогодние жёлуди. Свет наверху протискивался сквозь крону, как через источенную ткань дождевого зонтика. И Юра заговорил. Его монолог длился несколько недель до конца лета, и я попытаюсь передать историю, рассказанную в саду, в той же простоте, как слышал, по возможности не приукрашивая и ничего не добавляя от себя.

2.

Юра происходил из семьи номенклатурных работников. Более подробно о его семье я не расспрашивал, так как посчитал это нескромным. Возможно, родители были военными, а, может быть, партийными функционерами среднего звена. После школы он отслужил в армии, окончил институт стали и сплавов, был на БАМе и выбился там в передовики производства. Возглавлял комсомольскую организацию, потому что внутренняя энергия, по его словам, «так и распирала».

– Я весь горел, – сказал он. – Мне нужно было что-то делать, кого-то звать на бой, на борьбу... Но кого звать, зачем? На какой бой?.. Этого я понять не мог.

..мы сидим на корнях дуба. Крестьянская коса, насаженная на длинную палку, лежит в траве. Шмель копошится в цветке одуванчика. Издалека слышен стук колес товарного поезда, идущего по кольцевой железной дороге.

– Приехал домой. Женился. И что-то во мне перевернулось. Мне вдруг захотелось быть одному.

Уже сейчас, анализируя его рассказ, я думаю, что эта точка перелома крайне важна и неслучайна. Из экстравертного темперамента Юрий вдруг перешёл в интравертный, стал потайным, «внутренним» человеком. Такое не происходит запросто. Для этого нужны веские причины. Но тогда я прозевал этот момент и продолжал слушать его сбивчивый рассказ, не задавая наводящих вопросов.

– Я начал уходить в подмосковные леса. Сначала днём, потом ночью. Садился на последнюю электричку и уезжал, куда глаза глядят. Небо меня манило и звало. Чувство радостного ожидания разрывало душу. Я забирался поглубже в лес, разводил костер и сидел рядом с ним до утра...

Я подумал: бедная жена! Что она чувствовала, когда муж с рюкзаком ехал куда-то в ночь?.. И ещё я вспомнил, что нечто подобное рассказывал мне мой школьный товарищ Игорь Ш. Он также вышел в одну из звёздных ночей из своей хрущёвской пятиэтажки, потому что «небо его позвало», и пропал на несколько месяцев. Позже мы нашли его в одной из подмосковных психушек с диагнозом «острая шизофрения». Уж не историю ли своей душевной болезни рассказывает мне Юрий?

– И что было в ночном лесу? – спросил я его.

– Поначалу ничего. Только ночные шорохи и писки, которых я не боялся. Но потом... – он стыдливо потупился.

Продолжил после паузы, с трудом подбирая слова:

– Лес задрожал от шагов. Земля дрожала, деревья тряслись. Как будто слон. Но его я не видел. Только слышал тяжёлые шаги. Снаружи и внутри. Я лёг на землю ничком, потом подогнул под себя ноги и так пролежал до утра.

– Вы читали Карлоса Кастанеду? – поинтересовался я. – Там описан подобный случай.

– Нет. Кто это? – не понял Юрий.

Мне показалось, что он вообще не читает книг.

– Один известный эзотерик. Он описывает так называемую «шаркающую бабочку». Она шла за автором в ночи и громко топала за спиной, погружая в ледяной ужас. Это, наверное, действительно страшно.

– Да, наверное, – неохотно согласился он. – Только мне показалось мало.

Я посмотрел на него и ещё раз оценил поджарый торс, готовый к лишениям и тяготам.

– Я продолжал ездить в лес, но более ничего не происходило. Я понял, что нужно ехать куда-то дальше от Москвы. И в моей голове в одну из ночей загорелось слово «Урал». Я побросал в рюкзак банки консервов, сел в плацкартный вагон скорого поезда и уехал...

Здесь его рассказ стал сбивчивым, бессвязным. Вообще Юра говорил как-то стыдливо, с трудом подбирая слова и отводя глаза в сторону. К сожалению, в литературе его речь довольно трудно передать, так как смущение не имеет, пожалуй, прямого вербального воплощения, тут дело в мимике и в выражении глаз. Позднее я понял причину смущения:

его жена Надя, с которой я познакомился позднее, считала Юрика сумасшедшим, но, несмотря на это, любила его нежно и сильно, как может любить мать или сестра родную заблудшую душу.

– На Урале я был почти всё лето. Привёз оттуда коллекцию камней. Половину из них жена сразу снесла на помойку, но несколько оставила мне в назидание. Один, самый красивый, ноздреватый и чёрный, как застывшая лава, я положил на телевизор.

– Случилось ли на Урале что-нибудь необыкновенное?

– Нет, ничего. Но случилось в Москве.

Однажды Юра сидел у работающего телевизора. Шла какая-то спортивная передача и... «вдруг гляжу, вылезает. И бросается на меня...». Это его слова. Я поначалу думал, что кто-то вылез из телевизора, например, спортивный комментатор, но ошибся. Этот «кто-то» вылез из камня, привезённого с Урала.

– Был ли он похож на человека?

– Да. Вроде него. Но я толком не разглядел. Бросился на меня. Сильный бычина. Навалился, как каменная плита. Я упал на ковёр. Гляжу, погибаю, дышать не могу. И выскользнуть нельзя, сбросить с себя нельзя... А жена была в кухне, готовила что-то. Я хриплю: «Надя, Надя... Помоги!». Наконец, входит...

– И что же видит?

– Видит, что я один валяюсь на ковре. Верчусь, переворачиваюсь через себя, а подняться не могу...

Я не знал, что ему ответить. Если эти записки будет читать психиатр, то, думаю, вслед за шизофренией он вынесет и другой диагноз – «эпилепсия».

– Может, привиделось? – спросил я, но не очень настойчиво, потому что опасался за вменяемость своего собеседника.

– Наверное, – согласился Юра. – Только у меня оказались сломанными два ребра – и он показал на низ своей грудной клетки. – Вот здесь. Он меня бил кулаками, этот бычина. Сильно бил. Как молотком.

Я поглядел на него украдкой. Лицо сосредоточенное, как бы обращённое вовнутрь. Интонации извиняющиеся. Без всякой аффектации. Будто стыдно ему за происшедшее. Стыдно за то, что отнимает у меня время, рассказывая всякую небывальщину.

– Что же произошло потом?

– А потом наступила осень. Грудная клетка побаливала, особенно по ночам. Но я не собирался сдаваться. Этот из камня только раззадорил меня. Не мог я сидеть дома. Решил поехать на Алтай и забраться в одиночку на гору Белуха.

– Почему именно на неё?

– Сам не знаю. Просматривал на ночь географический атлас и нашёл самую высокую точку в Горном Алтае – гора Белуха. Решил поехать. Жена не спорила, потому что спорить со мной бесполезно. Когда уже уходил из дома с рюкзаком, спешил на поезд, то она повесила мне на шею икону Богородицы.

– Вы раньше совершали восхождения?

– Никогда, – ответил он, не поняв моей тревоги. – Зачем? Мне не надо было раньше. А когда понадобилось, то поехал сразу. Поездом до Барнаула два с половиной дня. А потом ещё попутками и на перекладных.

Вечерело. В воздухе кружилась мошкара, предвещая завтрашний жаркий день. Мне было неловко, что я оторвал его от покоса. А он всё рассказывал, как будто радовался, что нашёл человека, который выслушает его до конца.

На Алтае в тот год стояла дивная осень. В начале октября было тепло, как летом, градусов двадцать с гаком. У подножья Белухи Юра обнаружил юных рериховцев, которые только что совершили восхождение. Они искали в Горном Алтае «камень падшего ангела», который потерял здесь сам Учитель в начале прошлого века. Эти люди, казалось бы, близкие моему рассказчику по духу, совершенно его не заинтересовали. Юра решил лезть на гору один. Восхождение, как я понял, прошло вполне успешно.

Однако на спуске произошло неприятное событие. Небо вдруг затуманилось, посерело. Поднялся сильный ветер, и летнее тепло ушло, как будто кто-то невидимый выключил батарею.

Снежная колючая крупа ударила в лицо. Юра оказался стоящим посредине зимы в летней рубашке и хлопковых брюках, которые сделались картонными от влаги и холода.

Ему стало страшно. Гораздо страшнее, чем если бы из камня вылез очередной «бычина».

– Я почувствовал, что умираю. Вспомнил жену, московский дом. И вдруг нащупал на груди иконку, которая жена дала мне перед отъездом. И поклялся Богородице, что если доберусь до земли, если останусь жив, то обязательно покрещусь...

– И как же спустились?

– Да ехал на заднице по снегу. Все ноги в кровь ободрал, ягодицы, руки… Лёд подо мной был и вода… А когда оказался в безопасности, то понял – я уже другой. Крещёный. И мне теперь совсем ничего не страшно...

Он прервался.

– А как зовут вашу жену?

– Надя. Пойдёмте, я вас познакомлю.

Мы поднялись с земли. У самой границы сада с бывшей ВДНХ есть небольшое искусственное взгорье, которое сделал в своё время академик Цицин, имитируя уральский ландшафт, и насадил его редкими травами. Тогда, восемь лет назад, травы ещё оставались и не были выдерганы заботливыми руками посетителей, может быть, потому, что за травами ухаживала жена Юры.

У неё было улыбчивое русское лицо, широкое, с бледными веснушками, и светлые выгоревшие волосы с редкой сединой. Руки крестьянские, сильные, привыкшие работать в огороде. С таким человеком и говорить не надо ни о чём, потому что сразу понимаешь, он – добрый. От неё веяло покоем, от Юры же, наоборот, – нервическим нетерпением. Теперь она уволилась из сада, не выдержала безденежья и унижений, а тогда на одной ней держалась огромная территория, около километра длиной. Здесь она сажала, убирала, полола... «А кто ещё может терпеть такого человека, как Юрий? – подумал я. – Только полусвятая».

Мы улыбнулись друг другу, всё понимая без слов. Надя взяла Юру за руку и повела на Останкино к выходу. Он, взвалив косу на плечо, помахал мне рукой. День кончался миром и был прожит не зря. Летние тихие вечера для меня – вечная жизнь. Смерти нет и печали нет. И так будет всегда, всегда...

3.

Я встретил его снова через пару дней. Он вложил мне в руку ученическую тетрадку, довольно замызганную и переломленную надвое.

– Что это?

– Это мой дневник. Может, вам будет интересно. Возьмите домой, посмотрите...

Я кивнул и открыл тетрадь. Она была исписана мелким почерком, вполне годным для лупы, но не для обычных человеческих глаз.

– Когда приехал в Москву, покрестился, – сказал Юрий. – Как и обещал тогда на горе...

Я поначалу не понял, о чём он говорит. Но через полминуты дошло, что он продолжает прерванный накануне рассказ. Кажется, я простоял тогда около часа, не присаживаясь на траву и слушая его сбивчивую речь.

– И что вы почувствовали после крещения?

Он как-то тяжело вздохнул.

– Сон мне приснился. Будто в Румынии, внутри горы, в келье живёт монах-отшельник Кирилл. Он-то и является моим духовным отцом. Может такое быть?

– Почему бы и нет? – пробормотал я, уходя от прямого ответа. – Всякое в жизни бывает.

– Я пошёл к батюшке в церковь. Говорю, так, мол, и так. Зовёт меня монах Кирилл. А батюшка: «Если зовёт, ищи». Как вы считаете, мне надо его искать?

– У вас есть зарубежный паспорт? – спросил я осторожно.

– Нету.

– Заведите и поезжайте.

На его обуглившемся от солнца лице возникло некое напряжение. Мне показалось, что он высчитывает в уме примерную стоимость такой бюрократической операции.

– Что было потом? – я попытался перевести разговор на другую тему.

– Потом... Потом я поехал в Усть-Коксу.

Я не слышал раньше о таком городе. Оказалось, что это районный центр на Алтае. Из рассказа Юры я понял, что после крещения он ощутил необыкновенный прилив сил и энтузиазм. Но энтузиазм этот был особого свойства. Если раньше все силы Юры были направлены на постижение мистической стороны жизни, то теперь он горел желанием разоблачать эту мистическую сторону. Обличить всякого рода мистиков, окопавшихся здесь и там. А каких именно мистиков, где их взять в нашей плоской действительности первоначального накопления капитала? «Разоблачай рериховцев, – шепнул ему какой-то вкрадчивый голос. – Их самое время как следует разоблачить».

Юра вспомнил, что встречал экзальтированных молодых людей у подножья горы

Белухи. И снова помчался на Алтай с жаром в сердце и энтузиазмом в пятках. Он хотел рассказать молодым людям о Христе, о его учении и о том, что на Белуху всходить не надо, а лучше зайти в ближайший храм и поставить свечку... В общем, всё начиналось отлично. А кончилось самым странным образом.

Юра остановился на одну ночь в гостинице Усть-Коксы. Точнее, это было общежитие какого-то ликвидированного за ненадобностью завода. В комнате стояло с десяток советских кроватей с железной сеткой, на которую клался матрас. Юра был в комнате один. За стеклом завывал ветер. Пустые кровати издавали железный скрежет. Настроение сделалось мутным, как захватанное стекло. Дело в том, что в Усть-Коксе не оказалось никаких рериховцев. Вообще не оказалось никого за исключением бывших рабочих, превратившихся в люмпенов. Но с рабочими, тем более, бывшими, обращение могло и не пройти. И Юра, накрывшись потёртым шерстяным одеялом с неразборчивой печатью, думал, что делать утром. Не махнуть ли обратно в Москву или быть здесь в ожидании озарения?

Он не мог долго заснуть, а около полуночи явился *о н*.

– Кто? – не понял я.

– Князь мира сего. Гляжу, из пустой стены показываются голые руки и ставят рядом со мной кресло. Потом выходит и *о н*. Вот, кого бабы любят, – подумал я. – Вот, кого любят!.. Рост – под два метра. Бритый наголо. Грудь безволосая, голая, как у античных статуй. Руки сильные, безволосые. Глаза глубокие, немного скошены, как у монголов. Не одетый. Только низ живота закрыт фартуком с непонятными знаками, – молоточки, кружки с крестиками... Садится напротив меня и смотрит в упор...

Мне, слушавшему очередной Юрин рассказ, стало не по себе. Показалось даже, что кузнечики в траве умолкли, и бабочки перестали летать.

– Почему вы решили, что это Князь мира?

– Не знаю. В душе возникло. Само собой. – Князь мира сего. – Таких-то и бабы любят, – повторил он. – Кожа мраморная, белая...

Запнулся. Я чувствовал, как он взволнован, и это волнение передалось мне.

– Что было дальше?

– Я попытался поднять руку, чтобы перекреститься. А он, заметив это, рассмеялся. «Дурак, – сказал он. – Не пытайся. Я – бог желания. И пока ты будешь хоть что-нибудь желать, я всегда встану рядом...».

Юра замолчал. Я внимательно посмотрел на него и понял, что он не врёт. Мне стало страшно и как-то торжественно... Торжественный страх, разве может такое быть? «Бог желания...» – это производило впечатление. Тем более, в устах человека, не знакомого с буддистской мудростью и вообще не знакомого ни с чем, кроме собственного духовного опыта. «Бог желания», обозначающий Князя мира сего... – я не знаю более точной формулировки.

– Он не боялся креста?

Юра отрицательно махнул головой:

– Да разве такого крестом испугаешь?..

Дальнейший рассказ его стал бессвязным. Я понял, что духовидец от соприкосновения с образом, который он посчитал прародителем зла, угодил в сумасшедший дом. Позднее, выйдя оттуда, Юра поехал в Ленинскую библиотеку и обнаружил в книге, посвящённой масонству, таинственные знаки, бывшие на фартуке обнажённого гостя...

Странная история. Я не знал, что сказать, но запомнил её на всю жизнь.

Мы расстались. Я взял домой его тетрадочку, но почему-то постеснялся её читать. По первой странице понял, что это довольно откровенный дневник его духовной жизни. И теперь жалею, что не сделал с него ксерокопию на память. Потому что Юра вскорости пропал из Москвы. Его жена взяла расчёт и увезла духовидца в деревню под Рязанью – копать огород и разбивать кусты смородины. Надеюсь, что там ему стало легче. Жив ли он теперь, жива ли Надя? Бог весть...

4.

Недавно, перечитывая рассказ Эдгара По «Не закладывай чёрту своей головы», я наткнулся на интересную деталь. Герой рассказа, бретёр и краснобай, теряет голову не в переносном смысле, а в прямом. Её подбирает опрятный господин с фартуком до колен... Своего черта Эдгар По наградил тем же самым фартуком, что привиделся моему духовидцу в Усть-Коксе. Откуда взялся этот фартук у двух людей, разделённых веками и культурами? Из масонства?..

Юра точно не читал этого странного произведения, не слишком популярного, которое есть только в полном собрании рассказов знаменитого американца. Однако параллели видений Юры имеются не только здесь. Дух камня, который боролся с ним в московской квартире, напоминает осколок стихиалей Даниила Андреева. Стихиали гор, по выражению великого мистика, неуступчивы и суровы. Впрочем, здесь мы вступаем в область интерпретаций, которые говорят больше об устройстве нашего сознания, нежели о самом объекте, подвергшемся этим интерпретациям. Сознание «мыслит» аналогиями, и здесь открывается целое море необязательных догадок. Например, ситуацию с «князем мира сего» любой батюшка истолкует как искушение новообращённого, поскольку видение последовало почти сразу после обряда православного крещения. О психиатрических диагнозах не стоит и говорить. Я знал одного психолога, рассматривавшего всю «Розу мира» как галлюцинаторные видения, вызванные сенсорной изоляцией автора. Тут же мне вспоминается одна интеллигентная женщина, которая на премьере «Зеркала» Тарковского в московском Доме кино в далеком 1974 году кричала на весь зал после просмотра: «Этот человек сумасшедший! И он хочет, чтобы все мы погрузились в его сумасшествие!..».

Мы же с вами погружаться в это не будем, тем более что понятие «нормы» в сегодняшнем мире крайне зыбко. Я лишь желаю Юрию одного: чтобы он поскорее добрался до своего наставника монаха Кирилла, живущего в келье в далекой Румынии. Или встретился бы с ним на небесах.

Я скучаю по своему духовидцу.

Обсудить статью на форуме

Предыдущая статья :: Оглавление :: Следующая статья